

ЖИТЕЙСКОЕ МОРЕ

Чего только не случается в нашей жизни! Хоть раз выслушай соседа, коллегу по работе, загляни в ему в глаза, и убедись, что жизнь каждого человека — настоящая, хоть и никем написанный роман. Что ни случай из жизни — то готовый сюжет для комедии или для трагедии...

Волны житейского моря то мирно качают нас в будничных заботах и хлопотах, то вдруг вздыбят, грозя разнести в мелкие щепки такую хрупкую, такую слабенькую и беспомощную лодочку нашей судьбы.

Предлагая вниманию читателя очередные житейские истории, снова прошу: не обижайтесь, если нечаянно узнаете себя в ком-либо из героев. Такова уж планета журналиста — выслушивая всех, он никому не дает обета молчания. К тому же поверьте: ситуацию и себя в ней узнали только вы — имена не названы, а похожих историй множество даже в черте одного небольшого города...

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ:

«Зоя Космодемьянская»

Они поженились по любви, хотя тогда, 30 лет назад, такие браки случались редко и вызывали, по меньшей мере, непонимание окружающих. Дело в том, что она была русская, а он — татарин. Родители (и те, и другие) к их «затее» отнеслись довольно спокойно, зато одна из ее подруг осуждающе сказала:

— Я еще понимаю — дружить, но зачем замуж за татарина выходить? Русских тебе мало?

Его холостой двоюродный брат вполне цинично заявил:

— Жениться надо на татарке, а спать — с русскими...

На удивление всем с одобрением оценили предстоящий брак две бабушки.

— Хорошего парня выбрала, — сказала бабушка невесты.

— Твоя русская лучше многих татарок, — сказала бабушка жениха.

Свадьба была довольно пышной: родители старались не «ударить лицом в грязь» перед родственниками с другой стороны.

А молодая жена на свадьбе плакала: только тут, в свадебном застолье, она поняла, что ее не менее молодой муж, мягко говоря, откровенный бабник.

Они поселились в доме его родителей в

отдельной маленькой комнатке. И вскоре муж тоже сделал не самое приятное для себя открытие: оказалось, что молодая мало что умеет делать — ни доить корову, ни стирать, ни носки вязать. Свои кулинарные способности она демонстрировать стеснялась, поэтому все ее участие в приготовлении пищи ограничивалось чистой картошкой и лука, нарезанием хлеба, уборкой со стола и мытьем посуды. К тому же привычка жены делать генеральную уборку в доме перед выходными днями по пятницам, обижала его мать, истово верующую мусульманку (пятница — святой для мусульман день).

Для семейного разлада особого повода искать не нужно. Поутихли страсти, и еще вчера обожаемое существо стало таким же, как все.

Они начали часто ссориться. И тут жена сделала для себя еще один неприятный вывод о муже: в пылу гнева он способен не только оскорбить словами, но и ударить...

Когда такое произошло в первый раз, она ушла ночевать к своим родителям. Наутро муж пришел за ней с глубоким раскаянием, просил прощения и клялся, что подобное никогда больше не повторится. Она любила, поэтому поверила и вернулась.

Но через несколько дней при очередной ссоре муж снова ударил ее по лицу. Она выпрямилась, посмотрела ему прямо в глаза и сказала:

— Подонок!

Не выдержав взгляда и обидного слова, он ударил ее во второй, третий, четвертый раз...

На шум прибежала из кухни свекровь. Она бросилась между сыном и снохой, заслоняя

молодую женщину своим телом и сердито заговорила с сыном по-татарски. Но невестка не приняла защиты свекрови. Прямая, гордая, напряженная, как струна, она вытирала с разбитых губ кровь и твердила:

— Подонок, подонок, подонок!

Оттолкнув мать, он в ярости снова кинулся бить жену. Еле удержавшись на ногах, свекровь повисла на сыне:

— Нельзя бить! Нельзя...

Поздним вечером, когда свекор и свекровь совместными усилиями успокоили и даже примирили молодых, семья отужинала, и две женщины остались в кухне вдвоем — убирать со стола. Они молчаливо работали: молодая мыла, пожилая вытирала посуду и ставила ее в шкаф. Невестка не поднимала опухших от слез глаз. Свекровь не выдержала первой. По-русски она говорила плохо, но все-таки нашла точные слова:

— Дочка, он сделал плохо — нельзя бить женщину. Но скажи мне: ты-то зачем стоишь перед мужиком, как Зоя Космодемьянская?..

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ:

«Шесть яиц на ужин»

Вера была вполне эмансипированной женщиной. Она могла выпить на семейной пирушке на равных с мужчинами, в ее изящной сумочке всегда лежала пачка хороших импортных сигарет. При этом она была весьма хозяйственная женщина: ее уютная квартира блестела почти стерильной чистотой, готовила она вкуснейшие блюда, дети были ухожены. Она успевала следить за собой и в кругу друзей считалась яркой, красивой женщиной, интересным собеседником, внимательной и заботливой подругой, радушно встречающей гостей.

Единственное, что вызывало некоторое недоумение ее подруг, так это погасший, даже несколько хмурый взгляд ее мужа Андрея. Когда, навещая Веру, они заставали Андрея дома, тот, вежливо поздоровавшись, молча уходил в другую комнату и почти не выходил из нее до конца визита.

Вера жаловалась на мужа:

— Сухарь придет с работы без настроения и молчит, и молчит — слова из него не выдашь. Такой равнодушный, черствый человек! Ничего его не интересует, ни до чего дела нет. Темный человек, этот черный металлург!

Как-то в субботний день одна из подруг, назовем ее Зоей, заглянув к Вере после обеда, засиделась у нее до вечера. Андрей работал в утреннюю смену, и, взглянув на часы, Зоя заторопилась:

— Ой, мне пора: скоро Андрей с работы придет — тебе ужин готовить надо.

— Да посиди ты еще немного — так редко заходишь! — стала удерживать ее Вера. — Давай-ка лучше свежего чайку заварим, да еще по сигаретке выкурим...

Они курили, пили чай и разговаривали, когда щелкнул замок. Андрей, сняв ботинки, прошел в кухню, как обычно, вежливо поздоровался с гостьей и открыл холодильник. Между собой супруги не перебросились даже словом.

Андрей несколько минут что-то высматривал в холодильнике, потом налил в алюминиевый ковш воды, положил в нее шесть яиц, поставил на газ и пошел в ванную мыть руки.

— Ну вот, из-за меня ты мужа с работы толком не встретила, — шопотом сказала подруге смущенная Зоя. — Даже еду не сварила. Как нехорошо получилось!

— При чем здесь ты? — искренне удивилась Вера. — А как я его должна встречать с работы? Бежать навстречу и кричать: «Ой, кто к нам пришел»? Да поест он, не переживай — вон яйца сварит и поест. Сиди.

Андрей вышел из ванной, снял ковш с газа, слил горячую воду и поставил яйца под кран с холодной водой. Сам тем временем он отрезал ломтик хлеба в четверть буханки, взял солонку и унес все приготовленное в комнату.

Уходить в этот момент Зое показалось не ловким, да и хотелось увидеть, что же будет дальше.

А дальше Андрей занес в кухню и помыл освободившуюся посуду, налил в поллитровую эмалированную кружку крепкого чаю, насыпал пять ложек сахара и снова ушел в комнату.

— Вы что, всегда вот так молчите? — все еще шопотом спросила Зоя.

— А о чем с ним говорить? Про комбинат, что ли? — искренне удивилась Вера. — Да ты что шепчешь? У нас больных нет. Молчит, и пусть молчит. Он вечно всем недоволен.

— Так ты бы спросила: может, случилось что у них там? Все-таки он твой муж, отец твоих детей, зарплату в дом приносит. При чем, я знаю, что хорошую зарплату...

— Только и пользы, что зарплата... Да что ты разволновалась: я всегда его так встречаю, он уже привык...

Судьбы людские

Много лет проработала она в агломерационном цехе N 1 — секретарем-машинисткой, табельщицей, инспектором по кадрам, оставив о себе добрую славу и теплые воспоминания. Всегда вежливая, внимательная, отзывчивая на чужую беду, очень исполнительная и аккуратная в работе, Умгульсум Муртазиевна была просто незаменимым человеком в конторе цеха. Став пенсионеркой, она активно помогала совету ветеранов цеха: профессиональная память кадровика позволила ей составить точные списки всех бывших работников цеха, а благодаря своей природной доброжелательности она сумела учесть потребности и беды стареющих ветеранов.

Сегодня Умгульсум Муртазиевна уже немолода: ей за 70. Да и была ли молодость у поколения наших ныне 70-летних земляков? Нелегкая работа на строительстве тяжелейшего металлургического производства, отсутствие самых элементарных удобств и материальных благ, да к тому же война, резко обострявшая все грядущие надежды...

— А как же? — отвечает Умгульсум Муртазиевна. — Молодость оценивается не уровнем комфорта и материального благополучия, а внутренним состоянием души. Это огромная жизненная энергия, устремление к новому и неизведанному, планы и надежды на будущее, наконец. Я даже думаю, что мы прожили более интересную и насыщенную событиями и ощущениями жизнь, чем современные молодые. Мы рассчитывали на собственные силы и не оглядывались на взрослое поколение, не ждали и не требовали от них ни материальной, ни моральной поддержки. Все — сами!

В аглоцехе прекрасно знали, что Галина Петровна одна растит двух сыновей, но никогда и никто не слышал от нее жалоб на свою судьбу или какие-либо трудности. И очень немногие знали, что в военные годы Сибгатуллина работала в госпитале...

ЖИЗНЬ, КАК ОНА ЕСТЬ

Настоящее имя этой женщины Умгульсум Муртазиевна Сибгатуллина, но большинство хорошо помнящих ее в Магнитке людей называют ее Галиной Петровной: такая уж привычка у русских — приспосабливать к своему языку труднопроизносимые нерусские имена.

А при этом ее первая профессия — операционная медицинская сестра. В 41-м, в самый канун Великой Отечественной У. М. Сибгатуллина закончила Магнитогорскую фельдшерско-акушерскую школу. Она получила «красный» диплом и в числе лучших выпускников была оставлена в Магнитогорске. Ее направили в больничный городок на Ежовке, во вторую хирургию.

— Я и пинцета-то еще толком держать не умела, не то, чтобы ассистировать хирургу во время сложных операций, — рассказывает Умгульсум Муртазиевна. — Но рядом были очень сильные, опытные специалисты, и я училась уже по ходу работы. Главным врачом у нас был Ефремов — строгий очень человек, серьезный. Хирурги — Юрий Антонович Писаренко, Степан Андреевич Головин, Евгения Ивановна Руднева. Я с каждым понемногу работала, а потом меня «насовсем» забрала Евгения Ивановна: она считала, что мы с ней лучше всего понимаем друг друга, а тесный контакт и взаимопонимание врача и операционной сестры во время операции жизненно важны, в первую очередь, для больного.

Через месяц началась война. Спустя несколько недель в Магнитку один за другим стали приходить эшелоны с ранеными воинами. Размещали их в школьных зданиях, спешно переоборудованных под госпитали. Из западных регионов страны в город эвакуировались целые коллективы медицинского персонала: врачи, медсестры, санитары, повара. Недостающий обслуживающий персонал заполняли местными кадрами: в основном, это

были няни, прачки, кухонные работницы.

— Профессиональных медиков города в госпитали переводили в редких случаях — дефицита кадров не было, поскольку постоянно приезжали эвакуированные, — вспоминает Умгульсум Муртазиевна. — Зато образовался огромный дефицит медикаментов и сопутствующего материала: бинтов, ваты, дезинфицирующих средств. Никогда не забуду жуткого запаха грязных бинтов! Я же еще совсем девчонкой была: бывало, голова кружилась и в глазах темнело от смрада прачечных. А куда деваться? И в войну люди болели обычными болезнями, и в оперативной помощи нуждались не реже, чем в мирные годы. Спасибо хирургам! Народ они, конечно, грубоватый в силу профессии, но всегда находили нужные слова, чтобы поддержать, приободрить, пошутить над моими страхами. Писаренко и Головин вообще относились ко мне по-отцовски. Ну а Евгения Ивановна для меня была как старшая любимая сестра.

Первые трудовые годы Умгульсум Муртазиевны совпали с военными. В 43-м, когда наша армия стала освобождать от фашистской оккупации западные области, стали перебираться на запад и тыловые эвакуогоспитали.

Е. И. Руднева перешла из обычной больницы в госпиталь, забрав с собой свою операционную медсестру. Вместе с госпиталем они переехали сначала в Житомир, потом во Львов, в Луцк.

— После войны я еще какое-то время работала в госпитале, — говорит У. М. Сибгатуллина. — А вышла замуж и поехала жить туда, куда

повез муж — в Агаповку. Один за другим родились два сына, работу пришлось оставить.

Но недолго продолжалось семейное счастье этой женщины. В 51-м году муж умер. Осталась она одна с двумя сыновьями. На всю дальнейшую жизнь.

Она и сегодня живет вместе с ними, уже взрослыми, в крошечной двухкомнатной «хрущевке». Но у

матери сегодня лишь одна печаль: хорошие сыновья, заботливые, внимательные, а вот личная жизнь не сложилась у обоих.

— Может, воспытывала я их неправильно? — иногда сокрушается Умгульсум Муртазиевна. — И за мать я им была, и за отца. А мужской руки, видно, сыновьям не хватало. Да где ж ее взять? Такая судьба...